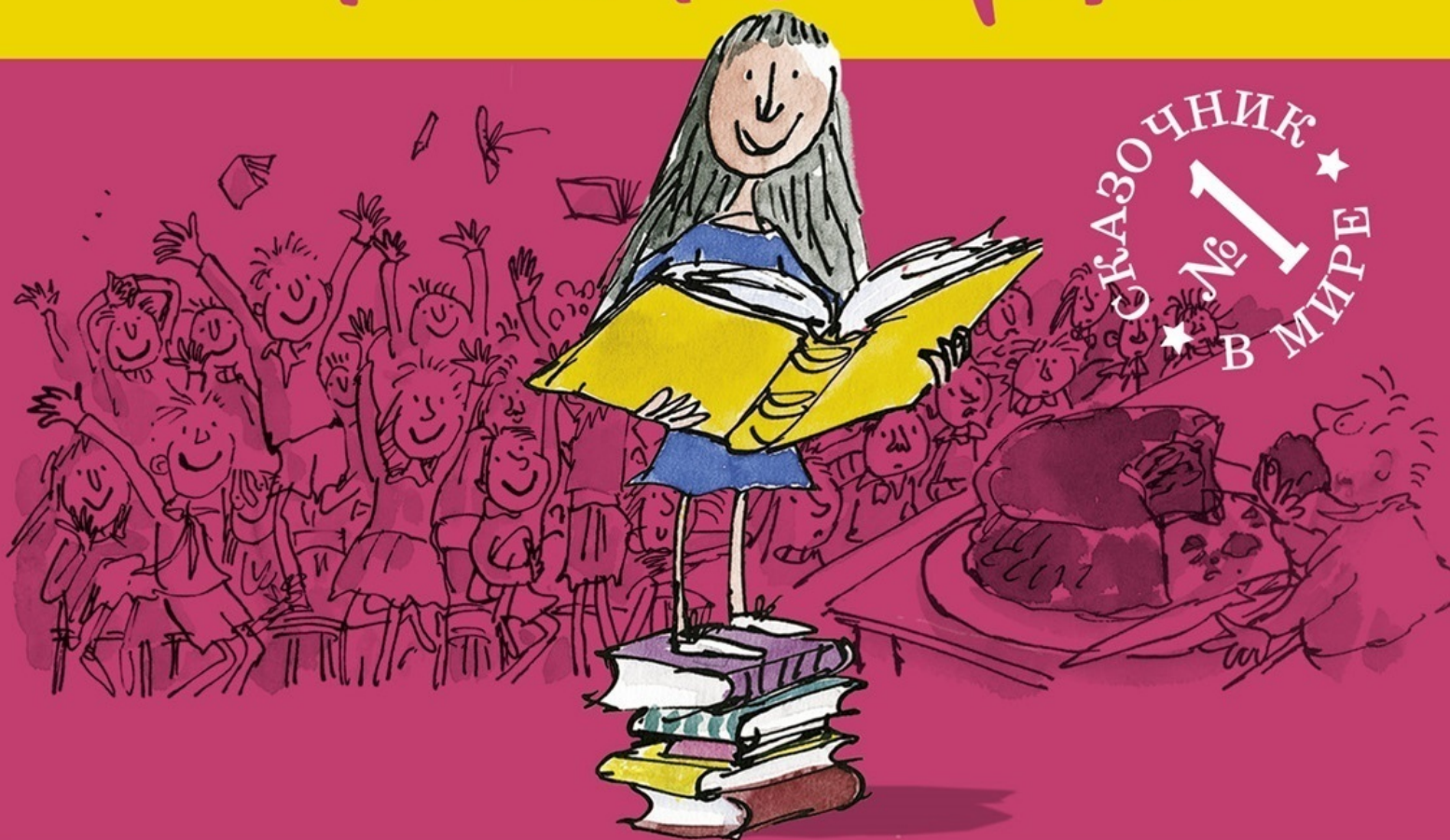

Ролд Далъ

ROALD DAHL

МАТИЛЬДА

Иллюстрации Квентина Блейка

Роальд Даль. Фабрика сказок

Роальд Даль

Матильда

«Самокат»

1988

УДК 821.111-34-93 Даль Р.
ББК 84(4Вел)-4

Даль Р.

Матильда / Р. Даль — «Самокат», 1988 — (Роальд Даль.
Фабрика сказок)

ISBN 978-5-91-759506-1

Матильда – маленький гений, однако родители считают ее «буквально болячкой», а школьная директриса постоянно над ней издевается. Но правда в том, что все они глупцы и им нет дела ни до кого, кроме себя... И Матильда решает их проучить. Благодаря замечательному уму и скромности Матильды в школе у нее очень скоро появляются друзья, в числе которых – ее учительница, милейшая мисс Ласкин, и одноклассники, и они не дадут друг друга в обиду!

УДК 821.111-34-93 Даль Р.
ББК 84(4Вел)-4

ISBN 978-5-91-759506-1

© Даль Р., 1988
© Самокат, 1988

Содержание

Знакомьтесь...	5
Маленькая читательница	9
Мистер Мухомор, великий менеджер по продаже машин	20
Шляпа и суперклей	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Роальд Даль Матильда

Знакомьтесь...

Мисс
Ласкин

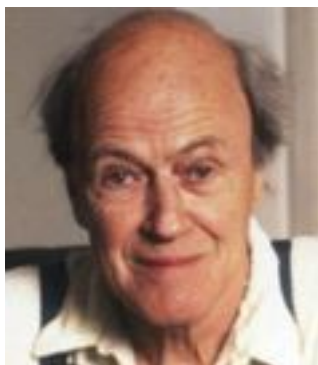

Брюс Ирландер

Аманда
Трипп

Matilda – Copyright © Roald Dahl Nominee Ltd., 1988

Illustrations Copyright © 1988 by Quentin Blake

© Суриц Е.А., перевод на русский язык, 2013

© Издание на русском языке. ООО «Издательский дом «Самокат», 2013

Для Майкла и Люси

Маленькая читательница

Интересные люди эти папы и мамы. Собственного ребёнка, пусть он и самый отвратный зануда, какого вы только можете себе представить, они считают просто чудом природы.

Некоторые родители идут ещё дальше. Они так ослеплены обожанием, что ухитряются убедить себя, будто в их ребёночке заметны черты гениальности.

Ну и что, и подумаешь, и кому какой от этого вред. Так мир устроен. Но когда эти самые родители начинают рассказывать об изумительных качествах собственного противного отпрыска нам, вот тут уже самое время завопить: «Скорей несите тазик! Нас сейчас стошнит!»

Школьным учителям вечно приходится с кротостью выслушивать подобную чепуху от счастливых и гордых родителей – сущая пытка! – но уж они и отыгрываются, когда настаёт срок писать об итогах за четверть. Будь я, например, школьным учителем, я бы, конечно, стряпал самые сокрушительные, самые едкие отзывы об этих обожаемых детках. «Такого тупицы, как ваш сын Максимильян, – писал бы я, – ещё свет не видывал. Хочу надеяться, что у вас есть семейный бизнес, куда вы его и приткнёте по окончании школы, потому что ни на каком ином поприще, могу спорить на что угодно, работы ему не видать, как своих ушей». Или, будь я случайно в более лирическом настроении, я, наверно, высказался бы так: «Удивительно, но факт: слуховые органы у кузнечиков расположены по обе стороны от брюшка. Ваша дочь Ванесса, судя по тому, что она усвоила за истёкшую четверть, слуховыми органами вовсе не обладает».

Я даже мог бы, ещё глубже зарывшись в естествознание, написать: «Периодическая цикада шесть лет томится личинкой в подземной тьме и только шесть дней после этого вольно порхает, наслаждаясь солнцем и воздухом. Ваш сын Уилфрид шесть лет протомился в нашей школе в виде личинки, а мы всё ждём не дождёмся, когда же он наконец примется вольно порхать». Какаянибудь особенно вредная девчонка меня, возможно, побудила бы сообщить: «Ваша дочь Фиона сверкает ледяной красотой, в точности как айсберг, но, в отличие от айсберга, у неё под блестящей поверхностью ровнёхонько ничего не тaitся». Думаю, я не без удовольствия строчил бы эти отчёты о поганцах из моего класса. Но хватит, проехали. Нам пора продолжать.

Иногда встречаются родители – ну, совершенно противоположного склада, эти вообще без всякого интереса относятся к собственным детям, и вот они-то, конечно, гораздо хуже, чем родители обожающие. Мистер и миссис Мухомор принадлежали как раз к числу таких родителей. У них было двое детей – сын Майкл и дочь Матильда, и на Матильду они смотрели буквально как на болячку. Уж такая болячка вещь: вам приходится покорно с нею жить и ждать, когда же наконец можно будет её скovyрнуть и от неё избавиться. Мистер и миссис Мухомор просто мечтали о том времени, когда они наконец смогут избавиться от Матильды и отправить её, скажем, в соседний округ, а лучше бы и вообще куда подальше.

Очень плохо, конечно, если родители смотрят на обыкновенных детей так, будто те – болячки или мозоли, но гораздо, гораздо хуже, если ребёнок необыкновенный, то есть наделён исключительно нежной душой и на редкость одарённый. В Матильде сочетались оба эти качества, но особенно разительно она отличалась от всех прочих маленьких детей своими способностями. Она так быстро соображала, так всё схватывала на лету, что даже самые слабоумные родители, кажется, не могли бы этого не заметить. Но мистер и миссис Мухомор были до того бестолковы, до того поглощены своими дурацкими, никчёмными делишками, что ничего особенного в своей дочери не замечали. По правде говоря, я даже не уверен, что, вползи она в дом со сломанной ногой, они бы это заметили.

Майкл, брат Матильды, был мальчик как мальчик, самый обыкновенный, но сестра – сестра, как я уже сказал, была такая девочка, такая девочка, что даже не верится! В полтора года она прекрасно говорила и знала столько же слов, сколько и большинство взрослых. А родители, вместо того чтобы радоваться, восхищаться и нахваливать, обзывали её болтушкой, трещоткой, балаболкой и резко ей выговаривали в том смысле, что маленьких девочек должно быть видно, но не слышно.

В три года Матильда начала читать, разглядывая газеты и журналы, разбросанные по дому. В четыре года она уже бегло читала и, естественно, затосковала по книгам. Из них в просвещённом семействе выискалась одна, настольная книга миссис Мухомор – «О быстром и лёгком приготовлении пищи», и когда Матильда прочитала её от корки до корки и выучила наизусть все рецепты, то поняла, что ей бы хотелось чего-нибудь поинтересней.

- Папа, – попросила она как-то раз, – может, купишь мне книжку?
- Книжку? – удивился он. – Это ещё, спрашивается, зачем?
- Чтобы читать, папа.
- Да чем тебе телик не угодил? Слава тебе господи, телик у нас отличный, телик – грех жаловаться, двенадцатидюймовый экран, а ей книжку подавай! Совсем ты у нас избаловалась, дочка!

Почти каждый будний день Матильда оставалась дома одна. Брат (на пять лет её старше) уходил в школу. Папа отправлялся на работу, а мама – играть в бинго в Эйлсбери, за шесть километров от дома. Миссис Мухомор искренне, всей душой была предана бинго и играла в него пять дней на неделе. Так вот, когда папа отказался купить Матильде книжку, в тот же самый день, только попозже, она взяла и пошла, совсем одна, в местную публичную библиотеку. Матильда вошла, поздоровалась с библиотекарем миссис Фелпс, назвала свои имя и фамилию. И спросила, можно ли тут посидеть и почитать какую-нибудь книжку. Миссис Фелпс слегка удивилась, что такая маленькая девочка явилась одна, без родителей, но тем не менее сказала, что, мол, милости просим, заходи и располагайся.

– А где тут, скажите, пожалуйста, детские книги? – спросила Матильда.

– Вон они, там, на нижних полках, – сказала миссис Фелпс. – Может, я помогу тебе выбрать, где картинок побольше?

– Нет, спасибо, – сказала Матильда. – Лучше я, наверное, сама поищу.

И с тех пор каждый день, после обеда, когда мама играла в бинго, Матильда шла в библиотеку. Библиотека была от дома всего в десяти минутах ходьбы, так что можно было целых два часа спокойно сидеть в уютном уголке и поглощать книгу за книгой. Покончив со всеми детскими книгами, какие стояли на полках, со всеми до единой, Матильда стала искать, что бы такого ещё почитать.

Миссис Фелпс две недели с изумлением наблюдала за Матильдой и теперь встала со своего места и направилась к ней.

– Тебе помочь, Матильда? – спросила она.

– Я вот думаю, что бы мне такого ещё почитать, – сказала Матильда. – Детские я все уже кончила.

– То есть ты все картинки пересмотрела?

– Картинки тоже, но и сами книжки прочитала.

Миссис Фелпс смотрела на Матильду с высоты своего роста, а Матильда снизу смотрела на неё.

– Некоторые никуда не годятся, по-моему, – сказала Матильда, – но есть и очень хорошие. Больше всего мне понравился «Таинственный сад». В нем столько тайн. Тайна комнаты за этой запертой дверью, тайна сада за высокой стеной.

Миссис Фелпс была ошарашена.

– Сколько, ты сказала, тебе лет, Матильда? – еле выговорила она.

– Четыре года и три месяца, – сказала Матильда.

Миссис Фелпс ещё больше изумилась, но, как женщина умная и тактичная, решила не показывать виду.

– Ну, и какую же книжку ты хотела бы теперь почитать? – спросила она.

И Матильда сказала:

– Хотелось бы какую-нибудь очень хорошую, какую взрослые читают. Знаменитую какую-нибудь. Только я же фамилий совсем никаких не знаю.

Миссис Фелпс долго стояла молча, окидывая взглядом стеллажи. На сей раз она и сама не знала, что лучше выбрать. Ну как, спрашивала она себя, как выбрать знаменитую взрослую книгу для четырёхлетней малышки? Мелькнула мысль о каком-нибудь чувствительном романчике, какие сочиняются специально для старшеклассниц, но что-то заставило её пройти мимо этой полки.

– На вот, попробуй, – сказала она наконец. – Это очень-очень знаменитая и очень-очень хорошая книга. Если она для тебя слишком длинная, ты только скажи, я мигом подыщу что-нибудь полегче и покороче.

– Чарльз Диккенс, – прочитала Матильда. – «Большие надежды». Ой, я с удовольствием попробую.

«Я, кажется, спятила», – решила миссис Фелпс, но Матильде она сказала:

– Ну да, попробуй, конечно.

Следующие несколько дней миссис Фелпс глаз не спускала с маленькой девочки, часами сидевшей в громадном кресле в дальнем углу комнаты с книгой на коленях. Матильда клала её на колени, потому что невозможно удержать в руках такую тяжесть, когда вам всего четыре года, и приходится гнуться над страницами. Странное это было зрелище: крошечная темно-волосая девчушка, сидит себе в кресле, ножки далеко не достают до пола, уж какое там, и поглощена необыкновенными приключениями Пипа и старой мисс Хэвишем так, будто сама переселилась в их старый, обветшалый домик, в удивительный мир, сплетённый из слов великого чародея Чарльза Диккенса. Она сидела не шевелясь, только время от времени поднимала ручку, чтобы перевернуть страницу, и миссис Фелпс всякий раз делалось грустно, когда приходило время подниматься со стула и говорить:

– Уже без десяти пять, Матильда.

В первую же неделю знакомства миссис Фелпс её спросила:

– Мама, конечно, тебя сюда провожает каждый день, а потом встречает и отводит домой?

– Моя мама каждый день ездит в Эйлсбери играть в бинго, – ответила Матильда, – она и не знает, что я сюда хожу.

– Ах, как нехорошо, – сказала миссис Фелпс. – По-моему, лучше спросить у неё разрешения.

- Лучше не надо, – ответила Матильда. – Мама не одобряет чтения книг. И папа тоже.
- Но что же ты, по их мнению, делаешь изо дня в день одна в пустом доме?
- Да ничего я, по их мнению, не делаю, сижу телик смотрю.
- Понятно.
- Вообще-то ей всё равно, что я делаю, – немного печально прибавила Матильда.

Миссис Фелпс даже представить себе было страшно, как такая кроха одна-одинёшенька ходит по оживлённой главной улице, как переходит через дорогу, но она решила не вмешиваться.

За неделю Матильда одолела «Большие надежды», в которых – в этом издании – было четыреста одиннадцать страниц.

– Мне понравилось, – сказала она миссис Фелпс. – А больше мистер Диккенс ничего не написал?

– Он очень много чего написал, – ответила ошарашенная миссис Фелпс. – Подыскать тебе ещё книжку?

За следующие полгода, под внимательным и сочувственным присмотром миссис Фелпс, Матильда прочитала такие книги:

- «Николас Никлби» Чарльза Диккенса,
- «Оливер Твист» Чарльза Диккенса,
- «Джейн Эйр» Шарлотты Бронте,
- «Гордость и предубеждение» Джейн Остин,
- «Тесс из рода д'Эрбервиллей» Томаса Харди,
- «Ким» Редьярда Киплинга,
- «Человек-невидимка» Герберта Уэллса,
- «Старик и море» Эрнеста Хемингуэя,
- «Шум и ярость» Уильяма Фолкнера,
- «Гроздь гнева» Джона Стейнбека,
- «Добрые товарищи» Джона Пристли,
- «Брайтонский леденец» Грэма Грина,
- «Скотный двор» Джорджа Оруэлла.

Ничего себе список! Миссис Фелпс была потрясена, взбудоражена, но хорошо, наверное, что она сумела не потерять над собой контроль. Любой другой, видя такие поразительные успехи маленького ребёнка, конечно, поднял бы дикий шум и растрепал бы эту новость по всему городку и даже дальше. Любой другой, но только не миссис Фелпс. Она была из тех, кто никогда не суёт нос не в своё дело, и уже давно усвоила, что-только в очень-очень редких случаях стоит вмешиваться в процесс воспитания чужих детей.

– Мистер Хемингуэй говорит много всего такого, чего я не понимаю, – призналась ей Матильда. – Про мужчин и женщин особенно. Но мне всё равно нравится. Нравится, как он пишет. Как будто я там сама стою и всё-всё вижу, что происходит.

– С хорошими писателями всегда так, – сказала миссис Фелпс. – И ты не волнуйся насчёт того, что не поняла. Сиди себе, и пусть слова плещутся вокруг, как музыка.

– Да, да, конечно, – согласилась Матильда.

– Ты, кстати, не знала, что из нашей библиотеки можно брать книги домой и там читать?

– Не знала. Ой, и мне тоже можно?

– Конечно, – ответила миссис Фелпс. – Выбирай любую книгу, носи её сюда, я сделаю запись – и она твоя на две недели. Если хочешь, можешь выбрать даже не одну.

С тех пор Матильда ходила в библиотеку всего раз в неделю – вернуть прочитанные книги и взять новые. Собственная крошечная комнатка её превратилась для неё в читальню, и она читала весь день напролёт, часто с кружкой горячего шоколада под боком. Из-за малого роста Матильда ни до чего на кухне не могла дотянуться, но она припрятала у себя небольшой ящичек, брала его, когда надо, на кухню и, вставая на этот ящичек, могла достать с полок всё, что душе угодно. Чаще всего это был шоколад, который она готовила, предварительно разогрев на плите молоко в кастрюльке. Как это приятно – взять дымящееся питьё с собой в комнату, и чтоб стояло рядышком, наготове, пока ты сидишь и читаешь, одна в тихой комнате, в пустом доме. Книги уносили Матильду далеко-далеко, знакомили с удивительными людьми, у которых была невероятная жизнь, полная невысказанных приключений. Матильда всходила на борт старинного парусника с Джозефом Конрадом. Уплывала в Африку с Эрнестом Хемингуэем и в Индию с Редьярдом Киплингем. Она плавала и колесила по всему миру, не выходя из своей комнатки в английском захолустном городишке.

Мистер Мухомор, великий менеджер по продаже машин

У родителей Матильды был вполне милый дом с тремя спальнями наверху, а на нижнем этаже помещались у них столовая, и гостиная, и кухня. Папа продавал подержанные машины, и дела у него, как видно, шли неплохо.

– Опилки, – говаривал он гордо, – вот в чём главный секрет моего успеха. И на них я, главное, никогда не разорюсь. Я их бесплатно получаю на лесопилке.

– А что ты с ними делаешь? – спросила Матильда.

– Ха! – сказал папа. – Всё-то тебе надо знать!

– Просто я не понимаю, как опилки помогают тебе продавать старые машины, папа.

– А всё потому, что ты трепло, невежда и дура, – сказал папа. Речь его вообще не отличалась изысканностью, но к этому Матильда уже успела привыкнуть. А ещё она знала, что он обожает хвастаться, и сама его бессовестно подбивала на хвастовство.

– Ты, наверное, очень умный, раз умеешь использовать то, что ничего не стоит, – сказала она. – Вот бы и мне так.

– Куда тебе, – ответил мистер Мухомор, – дуре такой. А вот Майклу я всё охотно расскажу, тем более что он когда-нибудь станет мне партнёром по бизнесу.

И, больше не обращая никакого внимания на Матильду, он повернулся к сыну и сказал:

– Я всегда с удовольствием приобрету машину, если какой-то олух довёл её до того, что она на ходу гремит, визжит и трясётся, как бешеная. И ведь задёшево приобрету. А потом – подсыпь в мотор опилок, и все дела, и она катит себе тихохонько, гладенько, загляденье.

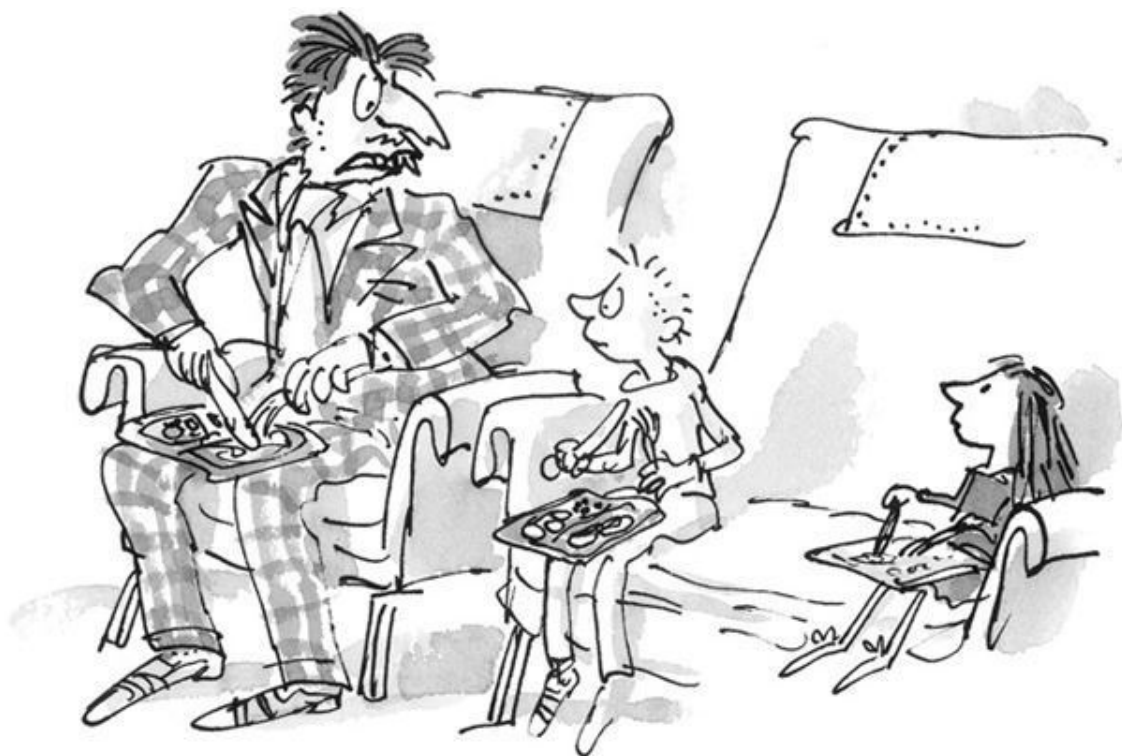
– И долго она так катит, пока снова не завизжит? – спросила Матильда.

– Долго не долго, а покупатель успеет далеко укатить, – и он осклабился. – Километров на двести примерно.

– Но так же нечестно, папа, – сказала Матильда. – Это же обман.

– Честным путём состояние не сколотишь, – усмехнулся отец. – Не обманешь – не продашь. На то и покупатель, чтоб его надувать.

Мистер Мухомор был маленького роста, похож на крысу, а передние зубы у него торчали вперёд из-под тоненьких крысиных усиков. Он обожал пиджаки в крупную клетку невозможно яркого цвета и щеголял, как правило, жёлтыми или салатowymi галстуками.

– Или вот ещё, например, пробег, – продолжал он. – Каждый, кто желает приобрести старую машину, в первую очередь поинтересуется, сколько километров она уже пробежала. Верно?

– Верно, папа, – подтвердил Майкл.

– Ну вот, предположим, я купил развалюху, которая намотала сто пятьдесят тысяч километров. Купил задёшево, да. А дальше-то что? Кто теперь у меня возьмёт машину с таким пробегом? В наше время уже не вытащишь спидометр, циферки не подменишь, чтобы раз-два – и готово, как у нас лет десять назад водилось. И что же я делаю? Я пускаю в ход свои мозги, парень, вот что я делаю.

– Как же? – в восторге почти выкрикнул Майкл. Истинный сын своего отца, он, похоже, обожал мошенничество.

– Сiju я и думаю, каким бы это манером мне показатель пробега в сто пятьдесят тысяч километров преобразить всего в десять тысяч, не разбирая спидометра? Может, мне сесть в машину и катить, катить её назад, да и дело в шляпе? А? Ведь циферки-то в обратном порядке защёлкают, верно? Но кто будет катить задним ходом эту проклятушую колымагу тысячи и тысячи километров? Это ж невозможно!

– Ясное дело, невозможно, – согласился Майкл.

– И вот почесал я в затылке, – продолжал мистер Мухомор, – и напряг свои мозги. Когда человеку даны такие мозги, он обязан ими пользоваться. И вдруг меня осенило! Ей-богу, я себя почувствовал ну в точности, наверно, как-тот, другой замечательный парень, который изобрёл пенициллин. «Эврика! – крикнул я. – Ура!»

– И что же ты придумал, папа? – спросил Майкл.

– Спидометр, – отвечал мистер Мухомор, – через кабель присоединён к переднему колесу. Итак, первым делом берём и отсоединяем от колеса этот самый кабель. А далее берём электродрель, присоединяем её к этому кабелю таким манером, чтоб она, вертясь, откручивала кабель назад. А? Ну как? Догоняешь?

– Да, папа, – ответил сын.

– Эти дрели вертятся прямо с дикой скоростью, – продолжал папаша, – включаешь дрель – и циферки на спидометре так и прыгают, так и прыгают, а показатели всё меньше, меньше, меньше. С моей электродрелью я вам за пять минут сбавлю пробег на пятьдесят тысяч километров. Кончаю эту работёнку – глядь, а машина-то пробежала всего десять тысяч и буквально просится покупателю в руки. «Почти новенькая, – так я ему и скажу, – даже десяти тысяч не прошла. Одной старушке принадлежала, так та на ней только раз в неделю и ездила за покупками».

– Неужели правда можно сбавить пробег электродрелью? – восхитился Майкл.

– Я тебе открываю секреты фирмы, – отвечал папаша. – Так что ты про это ни гу-гу. Ты ведь не хочешь, чтоб я угодил за решётку?

– Ни одной живой душе! Могила! – пообещал сынок. – И много ты машин так обработал, а, папа?

– Каждая машина, которая проходит через мои руки, подвергается аналогичной обработке. Все имеют показатель пробега менее десяти тысяч, когда выставлены на продажу. И это моё личное изобретение, учти! – гордо прибавил он. – Я на этом сколотил кругленькую сумму!

Матильда слушала внимательно весь разговор, и тут она сказала:

– Но папа! Это же ещё бесчестней, чем опилки! Это гадко. Ты обманываешь людей, которые тебе доверяют!

– Не нравится – не кушай ту еду, которую я приношу в дом! – разозлился отец. – Она куплена на мою выручку.

– Грязные деньги, – сказала Матильда. – Ненавижу.

На щеках у папаши загорелись два красных пятна.

– Да что ты о себе возомнила? – крикнул он. – Ты архиепископ Кентерберийский или кто, чтоб мне тут проповедь читать про честность? От горшка два вершка, нахалка, даже представления не имеешь, о чем болтаешь!

– Правильно, правильно, Гарри, – поддержала мама. А Матильде она сказала: – Да как ты смеешь в подобном тоне разговаривать с отцом? А ну-ка закрой рот и дай нам наконец спокойно досмотреть, чем там у них дело кончится.

Они сидели в гостиной и ужинали перед телевизором. Еду держали на коленях. На ужин были у них такие готовые «обеды перед теликом», которые сразу продаются на алюминиевых подносиках с отделениями для мяса, для картошки и для горошка. Миссис Мухомор жевала, не отрывая глаз от американской мыльной оперы. Была она дама крупная, платиновая блондинка, и только у корней цвет волос был несколько иной, скорее мышино-серый. Косметики она на себя вываливала целую тонну, но вот с фигурой ничего сделать не могла – со всех сторон у неё висели колбаски жира, едва не вываливаясь.

– Мамочка, – спросила Матильда, – можно, я доужинаю в столовой и книжку там почи-
таю? Ты разрешаешь?

Папаша остро глянул на неё.

– Я не разрешаю! – рявкнул он. – Ужин – время сбора всей семьи, и никто не имеет
никакого права выходить из-за стола, пока все не покушали!

– Но мы же не за столом, – не сдавалась Матильда. – И никогда не сидим за столом. Мы всегда едим с коленок и смотрим телик.

– А что в этом плохого, если мы смотрим телик, позволю поинтересоваться? – спросил отец. И голос у него стал вдруг тихий, угрожающий.

На это Матильда не рискнула ему ответить и промолчала. Но в душе у неё закипал гнев. Она и сама знала, что это нехорошо – так ненавидеть собственных родителей, но ей было ужасно трудно относиться к ним иначе. Книжки, которые она прочитала, открыли ей такую жизнь, какой они даже не нюхали. Если бы только они-тоже почитали Диккенса или Киплинга, они бы в два счёта поняли, что жизнь сводится не только к тому, чтобы надувать покупателей и смотреть телевизор.

И ещё. Ей надоело вечно слушать про то, какая она дура и невежда, да к тому же она знала, что это совершенно несправедливо. Гнев внутри неё все кипел и кипел, и в ту ночь, лёжа в постели, она приняла решение. Матильда решила, что каждый раз, когда папа или мама с ней гнусно поступят, она будет стараться их проучить. Одна-другая победа даст какую-никакую возможность терпеть их глупость и не сойти с ума. А должен вам напомнить, что ей было всего пять лет, и в столь нежном возрасте не так-то легко бороться против всемогущества взрослых. Но, так или иначе, Матильда приняла решение. Папа, после того, что произошло перед телевизором, был в очереди первый.

Шляпа и суперклей

На другое утро, как раз перед тем, как папе надо было уходить в свой жуткий гараж подержанных машин, Матильда тихонько скользнула в переднюю и завладела шляпой, которую он всегда носил. Чтобы снять шляпу с крючка, пришлось встать на цыпочки и тянуться до неё папиной тростью, и всё равно Матильда едва до неё достала. Сама по себе шляпа была самая обыкновенная, мягкая, с небольшими такими полями, а за ленточку заткнуто воронье перо, но мистер Мухомор очень ею гордился. Он считал, что шляпа придаёт ему лихой, отчаянный вид, особенно если надеть её набекрень, причём с ярко-клетчатым пиджаком и зелёным галстуком.

Матильда, держа шляпу в одной руке, а тюбик в другой, ловко нанесла клей аккуратным, тоненьким слоем изнутри, по самому краю шляпы. А потом осторожно повесила её обратно на крюк с помощью той же трости. Матильда очень точно подгадала, когда папа, позавтракав, поднимется из-за стола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.